

РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ

В. В. СОКОЛОВ,
доктор философских наук,
заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова

Мераб МАМАРДАШВИЛИ

«ЛЕКЦИИ ПО АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ»

под редакцией Ю. П. Сенокосова.
М.: Аграф, 1997, 310 с.

Попробуем на уровне простейших ассоциаций... разобраться прежде всего в этом особом смещении мозгов, которое мы называем философией.

Мераб Мамардашвили

Интерес к античной философии существовал всегда. В России он не угасал даже в 60–80-е гг., когда преподавание истории философии в курсах диалектического и исторического материализма было сведено к нескольким схематизированным лекциям. На философских факультетах университетов античная философия изучалась достаточно полно (в МГУ им. М. В. Ломоносова, например, в течение двух семестров). Об этом свидетельствуют добротные курсы, опубликованные в 60–80-х гг., – В. Ф. Асмуса, А. С. Богомолова, А. Н. Малышева (2-томные «Лекции по древней философии», включающие Индию, Китай, ближний Древний Восток). Теперь история философии закономерно занимает добрую, если не большую, половину курсов философии. Соответственно увеличилась и доля античной философии. Переизданы дореволюционные учебные пособия Целлера. Виндельбанда, Арнимма, Грубецкого, опубликован перевод итальянского курса Реале и Антисери.

Но вот теперь из магнитофонных подвалов покойного М. Мамардашвили публикуется его очередная книга. На этот раз курс «Лекции по античной философии», прочитанный автором во ВГИКе в 1979/80 гг. Ю. И. Сенокосов взял на себя ответственность по их редактированию и публикации. Основание для того, как указано в аннотации к книге, редактор видит в том, что здесь сделана попытка «раскрыть тайну древнегреческой философии, посвященной проблеме бытия, мысли и человека, в ее современной проявленности для нас».

Античная философия как колыбель «западной культуры – это прояснено уже в веках и тысячелетиях, и её «тайна» проанализирована и рассмотрена в огромном

множестве монографий (не говоря уже о статьях), обобщающих трудов и книг, рассчитанных на учебное восприятие. Философы Нового времени (в частности и в особенности Гегель), обосновывая свои идеи, положительно или критически обращались к идеям тех или иных древнегреческих философов. Даже Ф. Энгельс, специально не занимавшийся этой философией, четко уяснил, что в многообразных формах древнегреческой философии в зародыше имеются почти все позднейшие типы мировоззрений. А В. И. Ленин пришел в такой восторг от одного из фрагментов Гераклита («Мир не создан никем из богов...»), что усмотрел (в «Философских тетрадах») в нем даже «хорошее изложение начал диалектического материализма».

В чем неуывающий интеллектуально-педагогический смысл философских понятий и идей столь отдаленной от нас древнегреческой философии? Безусловно в том, что он пробуждает *аналитическо-обобщающее мышление*, во множестве случаев поднимает его до максимальных вершин. Многие из этих идей, понятий и терминов стали «достоянием навсегда» (греческое выражение).

Обратимся теперь к «Лекциям» Мамардашвили. Чтение их убеждает, что автор, приступая к своему курсу, имел весьма поверхностное и во многом просто смутное представление о предмете. Он часто говорит о «греках» вообще, от которых будто «до нас дошли только осколки философии» (с. 126), и «перед нами мистически (?) остался только кусочек айсберга» (с. 32). Но тут же (с. 126) утверждает об «уцелевшем трактате Демокрита», цитируя из него весьма произвольно и просто искажая один его фрагмент, сохраненный Секстом Эмпириком в его трактате «Против математиков». В действительности никакого цельного трактата Демокрита не сохранилось, но в различных источниках сохранилось порядка трехсот его фрагментов и значительно большее число доксографических свидетельств, что позволяет в десятках и сотнях статей и книг на русском и многих других языках совершенно удовлетворительно реконструирован, философское учение Демокрита. Аналогично поступает автор и в ряде других случаев, неточно цитируя или приблизительно вспоминая высказывания греческих философов. Например, Платона, которого иногда автор воспроизводит почему-то по французским переводам, хотя ко времени чтения его курса в хороших русских переводах были опубликованы *все* дошедшие до нас диалоги Платона и его письма (включая сомнительные). Правда, Ю. Т. Сенокосов, переводя магнитофонные записи лектора, в некоторых случаях «подкрепляет» рассуждения автора цитатами из русских изданий первоисточников (в частности, исправляя искажающую псевдоцитату из мнимого трактата Демокрита). Но для покойного автора вся эта обязательная и даже элементарная сторона всех других курсов античной философии явно представлялась второстепенным, несущественным педантизмом. И это тем более удивительно, что сам же он в духе модного постмодернизма считал, что конкретными текстами античных (как и новых) философов следует пользоваться как «калькой», накладываемой на эти тексты (с. 26). А текстов-то крайне мало, да еще кое-где они используются во французских переводах. Но автор систематически отступал от своих деклараций, ибо главную свою задачу видел в том, чтобы «раскрыть ее тайну», как она выступает в нашей современности, что и подчеркнуто в аннотации к изданной теперь книге.

Безымянные «греки» перемежаются в книге с именами ряда основных философов классического периода (эллинистическо-римский совсем не затронут), появляющихся в произвольных контекстах и сочетаниях. Главное для автора – вводимые этими философами понятия и категории, которые он и осмысливает весьма «оригинально».

Одной из наиболее глобальных стала категория бытия, впервые сформулированная Парменидом и ставшая затем общим достоянием античных философов. Едва ли не во всех курсах античной философии разъяснено огромное значение этой категории как фиксации понятийной сути формировавшейся древнегреческой философии в ее развитии от мифообразов к логопонятиям. Вместе с тем эпохальная значимость той же категории – в установлении глобальной идеи пространственно-временного континуума, прошедшей через всю последующую онтологию вплоть до современной теоретической физики.

Но каким же путем идет лектор-автор от этих и других понятий, категорий древнегреческой философии к их «современной проявленности для нас?» Ознакомление с текстом книги убеждает, что логика великого Аристотеля, вся аналитическая и синтетическая методология эпохальных мыслей Гераклита, Парменида, Демокрита, Сократа, Платона и того же Аристотеля в сущности не оказала сколько-нибудь заметного воздействия на сознание автора. Такой обязательной для философии методологии он противопоставляет свой «поток сознания», превращающий максимально общие, пускай и не однозначные, но все же четкие философские понятия и категории в многозначные и аморфные *слова*. Таковыми и стали в книге «бытие», «небытие», «сущность», «мышление», «логос» и другие понятия-категории древнегреческих философов, которые, теряя свой достаточно точный обобщающий смысл, в качестве *слов* фигурируют в любой ситуации. И эти слова у автора фигурируют в самых различных, как правило, довольно случайных направлениях и связях, имеющих сугубо субъективную значимость. Способ «потока сознания» нередко дает яркие результаты в художественной литературе, изображающей «живого человека» в его чувственно-эмоциональных ситуациях. Но такой способ афилософичен, совершенно ассоциативен, что автор не раз подчеркивает и сам (в частности, на стр. 26 – слова, вынесенные нами в заголовок этой реплики-рецензии). Отсюда его непрерывные метания к явлениям, ситуациям, именам писателей, философов, которые в этом «бурном потоке», по-видимому, призваны выявить «современное звучание» идей древнегреческих философов. При рассказе об античных мистериях мысль лектора-автора обращается то к ритуалу грузинских плакальщиц (с. 14), то к причинам поражения Франции и Англии в начале второй мировой войны (с. 51–52). Мелькают упоминания об исландских сагах, фольклоре различных народов, множестве писателей (Джойс, Кафка, Тютчев, Хлебников, Гюго, Малларме (который подобно «грекам» правильно считал, что поэтическое творчество осуществляется не идеями, а словами (с. 70), Пруст, Фолкнер, Борхес, Сезан (художник), Введенский (поэт), Мёллер, Чендлер (любимый лектором автор детективных новелл). Если прибавить к этому имена многих философов (начиная с Гароди, произведшего «бурю в стакане марксистской воды», как перефразирует автор одно высказывание Фуко из его книги «Слова и вещи» – с. 33) и ученых но-

вого времени, появляющихся в столь же случайном контексте, то их число оказывается значительно больше числа фигурирующих в книге древнегреческих философов. Лектор описывает и некоторые ситуации из своей жизни, привлекая внимание и к своей трубке, с которой он не расставался во время лекций. Темнота авторской мысли закономерно выражена чудовищно нелитературным языком нередко весьма длинных и аморфных фраз. Стилистические катастрофы весьма часты. Вот один из многих примеров: «Миф, сочетаемый с ритуалом, есть не просто некоторое представление, правильное или неправильное, о мире, но имеет к тому же конструктивную, человекообразующую сторону: нечто такое, через что в человеке становится «что-то», чего не было бы, если бы не проходило через некую машину, пока называемую нами мифом или ритуалом» (с. 14). Словесная сумятица – закономерный «коррелят» невнятицы: «Поэтому Парменид, Гераклит, Аристотель – наши современники в той мере, в какой мы можем забросить себя или нечто может забросить нас в бытие, в то, что я назвал некоторой формой жизни, отличающейся от нашей повседневной, обыденной жизни, в которой действуют законы рассеивания, забывания, распада наших состояний» (с. 18). Или «бытие – только то, что стало понято и что держится в просвете или усилении держания этого понимания» (с. 64). Подобные «перлы» составляют большую часть книги. Лектор-автор не проявил никакой тайны античной философии, но ярко проявил «тайну» собственного сознания – алогический психологизм на грани сумбура всмятку. «Все, что я говорил, фактически невыразимо. Бытие, мышление...» (с. 229).

Книга переполнена неточной и просто ложной информацией. Например, будто Гераклит «свою роль свел к роли афориста (а не афериста... аферисты при этом тоже были, их в Древней Греции называли софистами)» (с. 75). Этим дешевым (и по содержанию совершенно неверным) каламбуром ограничивается вся информация о софистах. Лектор слышал звон и довел его до слушателей, и теперь его могут оценить читатели...

Доопытное знание человеческих душ, по Платону, уверяет также автор-лектор (с. 105), – результат их дожизненной встречи с Богом. Но у Платона нет христианского Бога (да и тот совершенно иначе определяет знание сотворенных им душ). В действительности души выносят свое глубинное знание из созерцания мира идей в своем дотелесном существовании. Это твердо известно даже студентам философских факультетов, изучавшим античную философию.

Попутно делаются «открытия», достойные Нобелевской премии, окажись они верными, когда автор (на с. 139–141) утверждает, что *слова* «форма» и «абстракция» появляются у Платона и в особенности у Аристотеля. Оказывается, Стагирит писал и на латинском языке!

Нет ни возможности, ни необходимости даже упомянуть здесь все туманности и благоглупости книги. Но читатель может заявить рецензенту: а какое же у Вас право критики материалов автора, умершего уже как семь лет и читавшего свой курс за десять лет до смерти? На подобный вопрос ответ вполне определен. Есть латинская поговорка: «Книги имеют свою судьбу». И если автор не подготовил книгу к печати, то обязан был сделать это его редактор Ю. И. Сенокосов. Впрочем, содержание книги таково, что оно не поддается никакому редактированию. Издан-

ная в прекрасном полиграфическом исполнении и немалым для нынешних времен тиражом (7000 экз.), она может принести лишь вред, произведя завихрения в голове у тех, кто попытается познакомиться по ней с античной философией, для тех же, кто имеет о ней представление, она останется печальным и забавным курьезом.

Времена агрессивной рекламы, в которые мы живем, подвинули издательство и редактора в той же аннотации объявить покойного автора «гениальным философом».

Забавно, что сам автор, как бы предвидя свою посмертную судьбу, сказал в одной из своих лекций, что даже по отношению к Аристотелю, злому «тонкому и глубокому назывателю» (?), «лучше не употреблять слово «гениальный», поскольку оно настолько стерлось, что уже все называют гениальным» (с. 133).

Бедный Мераб Константинович! Знал бы он, что стал уже телегероем философии, знаменовавшим целую «эпоху Мераба».

Не ожидает ли его теперь и мыльная опера?